

ЕВГЕНИЙ
СУХОВ

**БЕЗУМНЫЙ
СВИДЕТЕЛЬ**

Евгений Сухов
Безумный свидетель
Серия «Тревожная весна 45-
го. Послевоенный детектив»

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69516358
Безумный свидетель: Эксмо; Москва; 2023
ISBN 978-5-04-190767-9

Аннотация

1948 год. Зверски убита четырнадцатилетняя девочка. Подозрение падает на хозяина художественной артели, при которой она жила. Однако начальник отдела по борьбе с бандитизмом майор Виталий Щелкунов уверен, что убийца – кто-то другой. Щелкунов выслушивает свидетельницу, которая утверждает, что это она убила девочку и ограбила артельную кассу. Но можно ли верить полоумной женщине? Хотя, из ее слов понятно, что она действительно была в артели в день, когда произошло преступление. Следователь решает использовать это обстоятельство и вскоре понимает, с каким чудовищем ему предстоит столкнуться...

Уникальная возможность вернуться в один из самых ярких периодов советской истории – в послевоенное время. Реальные

люди, настоящие криминальные дела, захватывающие повороты сюжета.

Персонажи, похожие на культовые образы фильма «Место встречи изменить нельзя». Дух времени, трепетно хранящийся во многих семьях. Необычно и реалистично показанная «кухня» повседневной работы советской милиции.

Содержание

Часть 1	9
Глава 1	9
Глава 2	28
Глава 3	44
Конец ознакомительного фрагмента.	73

Евгений Сухов

Безумный свидетель

© Сухов В., 2023

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

*** * ***

**ТРЕВОЖНАЯ
ВЕСНА 45-го**

ЕВГЕНИЙ СУХОВ

БЕЗУМНЫЙ СВИДЕТЕЛЬ

Часть 1

Версий больше нет?

Глава 1

Сомнения майора Темирзяева

– Матрену убили! Убили прямо в артели. Сначала сна-
сильничали, а потом и грохнули!

Ошарашивающая весть в утро воскресного дня разнес-
лась по Ямской слободе с невероятной быстротой. Четыр-
надцатилетнюю Матрену знали в округе все, она вместе
со своим дедом работала в ювелирно-художественной артели
«Путь Октября». Девочка она была приветливая, разговор-
чивая. Несмотря на возраст, весьма серьезная, даже умуд-
ренная жизненным опытом, какими бывают только дети, ли-
шившиеся в малолетстве родителей.

Трудно было поверить, что у кого-то может подняться
на ребенка рука, а тут такое... Ей бы жить долго, дарить доб-
ро окружающим. Выйти замуж, рожать детей, а тут у нее от-
няли все. Не прошло и четверти часа, как у двухэтажного до-
ма по улице Ухтомского, где размещалась ювелирно-художе-
ственная артель «Путь Октября», собралась многочисленная
толпа, каковая случается разве что по каким-либо праздни-

кам, да и то лишь тогда, когда получено распоряжение от высокого начальства. Наиболее решительно настроенные любопытствующие то и дело пытались проникнуть на второй этаж, в помещения конторы артели, где произошло убийство девочки, однако у входа на лестницу, ведущую на второй этаж, стоял милиционер в шинели из темно-синего сукна и время от времени, отталкивая наглецов руками и делая строгим лицо, негромко прикрикивал:

– А ну, осади! Осади, кому говорю! Куда прешь?! Нельзя, сказал, там разбираются.

Милиционер выстаивал у лестницы напрасно. Первые свидетели, кто обнаружил тело четырнадцатилетней Матрены Поздняковой (или Моти, как называли ее в округе), – а таковых было двое мужчин, да еще трое (две женщины и старик) присоединились к ним через несколько минут – уже успели изрядно натоптать в распахнутой настежь конторе артели и комнате при ней, где на диване лежал растерзанный труп девочки, и тем самым уничтожить следы преступника или преступников. Ежели, конечно, таковые следы все-таки имелись.

Хорошо хоть, что эти первые посетители конторы не придрагивались к телу убитой Моти и не меняли первоначальное положение. Так что сдерживать зевак, желающих поглазеть на случившееся, особой нужды не было, разве что для порядка. К тому же следовало исполнять приказ начальника городского отделения милиции майора Марата Абдулловича

Темирзяева, который самолично немедленно выехал на место преступления – детей в Казани убивают не каждый день. Трагический случай подходил к разряду особых, поэтому личное присутствие руководителя отделения, на территории которого произошло жестокое преступление, совсем нелишнее.

С майором Темирзяевым в помещении конторы артели находился участковый уполномоченный старшина милиции Окулов, прибывший на место преступления из блюстителей правопорядка первым; следователь Кикин из следственной группы отделения милиции, пришедший вместе с Темирзяевым, и судмедэксперт Барановский из бюро судебно-медицинской экспертизы.

Картина, что им предстала при осмотре места преступления, выглядела следующей.

На второй этаж дома, где разместилась контора ювелирно-художественной артели, вела крепкая деревянная лестница, вымытая до зеркального блеска, со стертыми ступенями и с резными крепкими перилами, оканчивающаяся площадкой с деревянными ограждениями по периметру. На площадке – старая, но крепкая дверь, обитая зеленой выцветшей клеенкой, оставшаяся еще со времен государя императора Николая Александровича. Замок в двери оставался неповрежденным, что свидетельствовало о том, что либо дверь была открыта изнутри, либо преступник воспользовался родным ключом. К двери был прикреплен небольшой

металлический колокольчик, так что при ее открытии звучал громкий звон, извещающий о приходе очередного посетителя или о его уходе. Изнутри дверь закрывалась на крепкий железный крюк, намертво вбитый в стену, – черта лысого выдернешь таковой, даже если ты Гриша Новак¹! Небольшая передняя со старой деревянной вешалкой в углу продолжалась внутрь конторы узким коридором, с левой стороны которого размещались двери в служебные комнаты.

Первое конторское помещение, совсем небольшое, имело двухстворчатую дверь и исполняло еще роль магазина, или, скорее, некоего подобия выставочного зала. В нем за загородкой с перилами высотой по грудь находилось несколько витрин со стеклянными дверцами, где была выставлена продукция, производимая ювелирно-художественной артелью. Это серебряные портсигары и мельхиоровые подстаканники; медные посеребренные и серебряные дамские пряжки, осыпанные прессованными камнями; многочисленные серьги, кольца и броши (некоторые экземпляры имели позолоту); вызолоченные изнутри стопки; позолоченные мельхиоровые десертные чайные и столовые ложки; кожаные браслеты для часов; кулоны разной величины и формы... Каждый посетитель мог купить любое понравившееся изделие из выставленного или заказать понравившееся и внести за него аванс. В эту комнату можно попасть как из коридора, как это

¹ Григорий Новак – первый советский чемпион мира по тяжелой атлетике (1946 г.), артист цирка, силовой жонглер.

делали посетители, так и из помещения конторы.

Вторая комната – это собственно сама контора, где сидели и работали председатель промыслового кооператива – так в официальных бумагах именовалась артель «Путь Октября», бухгалтер (он же кассир), торговый агент, каковых в не столь отдаленном времени именовали приказчиками, если он не задействован в магазине и не имел каких-либо дел с посетителями. Здесь было расставлено несколько письменных столов и в самом углу – за рабочим местом председателя кооператива – большой, высотой в человеческий рост, несгораемый темно-коричневый шкаф из толстых металлических листов. В помещения конторы артели можно попасть опять-таки как из коридора, так и из первой комнаты, что по нескольку раз, на дню проделывал торговый агент, когда слышал звон колокольчика входной двери, извещающий о приходе очередного посетителя, которого нужно принять и обслужить.

Третья комната жилая, в которой размещались дед Степан Кириллович Поздняков и его покойная внучка Матрена. Обстановка в ней простая – железная кровать деда с плетеным круглым ковриком возле нее, фанерный шифоньер с кое-какой довоенной одежкой и бельем; за цветастой занавесью – пружинный промятый диван с откидывающимися валиками по торцам, на котором коротала ночи Мотя, и этажерка с несколькими книгами и школьными учебниками. Посередине комнаты возвышался квадратный стол и стояли при-

двинутые к нему четыре стула. В углу комнаты, отодвинутый к самой стене, находился табурет, очевидно принесенный когда-то кем-то из кухни, да так здесь и прижившийся. Вход в комнату имелся только из коридора и крохотной кухни, что расположена в самом конце коридора. В нее можно попасть как из коридора, так и из жилой комнаты. В кухне небогато – круглый обеденный раздвижной стол, плетеный шаткий стул, две крепкие табуретки, водопроводный латунный кран с жестяной поцарапанной раковиной и старинный резной буфет под темным лаком, что делало его весьма древним. Впрочем, так оно и было в действительности. Буфет достался Степану Кирилловичу от матери, а той – перешел от ее отца. В его верхней части находилась разная стеклянная и керамическая посуда. На разделочном столе стояли закопченный чайник и керосинка. В двух выдвижных ящиках – ножи-ложки-вилки. В нижней части буфета покоились разнокалиберные поцоканные кастрюли, две большие и тяжелые чугунные сковороды, деревянное корытце с сечкой для рубки капусты и запасы разнообразных круп, куски колотого сахара и мука в кулечках – Степан Кириллович пережил три войны, поэтому, как никто другой, знал, что запас карман не тянет. Особенно важен он в лихую военную годину. К тому же старики по природе своей народ экономный и запасливый – жизнь научила.

В коридоре, несмотря на тщательный осмотр, крови не обнаружилось. Возможно, что ее не имелось вовсе, но нель-

зя исключать и того, что ее попросту затоптали те пятеро человек, что первыми проникли в помещение конторы еще до появления сотрудников милиции. Следов борьбы или каких-либо иных признаков совершения преступления, а также кровавых подтеков, брызг, помарок не обнаружено ни в одном из помещений ни на полу, ни на стенах, ни на мебели и иных предметах, исключая жилую комнату, где на диване находится бездыханное тело девочки. И где ее, по всей вероятности, и убили. Орудие убийства, несмотря на самые тщательные поиски, обнаружить так и не удалось. Вероятно, убийца (или убийцы) унес его с собой и где-нибудь по дороге от него избавился. В комнатах был полный порядок – ни разбросанных вещей, ни поломанной мебели, ни комков грязи по углам. Разве что в помещении конторы, где находились столы и несгораемый шкаф, ящики двух столов – бухгалтера и председателя – были выдвинуты и на полу возле них валялись выброшенные из них папки и листки различных артельных документов. По предположению майора милиции Темирзяева, в ящиках могла находиться изрядная наличность (так впоследствии и оказалось).

Вскоре на место преступления пришел крепкий плечистый мужчина и, посмотрев на Темирзяева, представился:

– Я председатель ювелирно-художественной артели «Путь Октября» Николай Григорьевич Волосюк. Мне передали, что в помещениях произошло ограбление и убийство... Убили Матрену Позднякову. Я решил подойти сразу к вам.

– Правильно поступили, – произнес майор, внимательно разглядывая вошедшего. Волнение, конечно, присутствовало, но вот страха не разобрать. – А то я хотел уже за вами человека отправить.

– Это излишне, – буркнул Волосюк.

– Что вы можете сказать о Матрене Поздняковой?

Николай Волосюк лишь неопределенно пожал плечами:

– Хорошая девочка была. Старательная, исполнительная. Очень жаль ее. Как-то несправедливо с ней обошлась судьба. Строила планы, мечтала после школы учиться пойти. Художником хотела стать, она ведь рисовала хорошо.

– Осмотрите, пожалуйста, внимательно помещение и определите, что у вас здесь пропало.

– Откуда начинать?

– Как вам будет удобнее.

Николай Волосюк лишь едва кивнул и прошел в соседнюю комнату, где в витринах находился готовый товар. Остановившись, принялся внимательно изучать лежавшие на полках изделия. Переходил от одной витрины к другой, потом вновь возвращался.

Наконец, повернувшись к майору Темирзяеву, с любопытством наблюдавшему за Волосюком, с некоторым удивлением сообщил:

– Из витрин ничего не взяли.

– Вы уверены?

– Абсолютно! Тем более что в витринах выставлены очень

хорошие товары. Вот посмотрите на эти два серебряных портсигара, – показал председатель подошедшему Темирзяеву. – Один называется «Витязь», а другой – «Три богатыря». Очень красивая инкрустация. Мы специально выбирали картину, какую следует нанести на поверхность. Много альбомов пересмотрели, прежде чем сделали выбор. Для первого портсигара выбрали картину Виктора Васнецова «Витязь на распутье». Там он стоит перед камнем и читает свою судьбу. Согласно предсказанию, на камне написано: если он свернет направо – будет убит, налево – женится, а если прямо пойдет – обретет богатство. Вот витязь решил испытать свою судьбу и поехал по той дороге, которая должна принести ему смерть. Но, как мы знаем, все обошлось. Вернулся он и с женой, и с богатством. А вот на второй картине три богатыря – Добрыня Никитич, Илья Муромец и Алеша Попович. Они ведь главные герои русских былин, вот я их решил тоже на портсигары нанести. Очень много фронтовиков покупают именно эти портсигары. Ведь каждый из них по-своему витязь.

– Это уж точно... Очень хорошее исполнение, – всмотревшись в рисунки, согласился майор. – С инкрустатором вам повезло.

– Соглашусь... Когда берешь в руки портсигар, так настроение сразу поднимается, – охотно произнес Николай Волосюк. – В Казани больше нет таких мастеров. Из Ижевска его переманил, он там на оружейном заводе инкрустацией за-

нимался. В числе лучших был. Но я ему плачу в два раз больше, чем там. И уверен, что не переплачиваю. Портсигары массивные, дорогие, на месте грабителей я бы их в первую очередь забрал. А они лежат где лежали. Для меня это странно.

– Так... Еще что можете сказать по своим изделиям?

– Видите у правой стенки сережки?

– Вижу.

– Те, что ближе, – это серебряные позолоченные серьги «Звездочка», а немного подальше – «Калачи», оба изделия недешевые. Их начали выпускать месяц назад. Весьма популярные у женщин. – Николай Волосюк отошел к соседней витрине и указал на среднюю полку: – А вот здесь выставлены броши с россыпью камней. Брошь справа называется «Голубь», а слева – «Червячок». Их молодые женщины предпочитают. Все это можно было забрать без труда, достаточно только выдавить стекло в витрине. Но грабитель этого не сделал.

– Может, что в столах пропало? Вы посмотрите.

Николай Волосюк с хмурым лицом вернулся в рабочий кабинет. Подошел к своему столу, выдвинул верхний ящик и достал из него небольшую картонную коробку. Приподняв крышку, посмотрел на майора.

– В этой коробке находилось шестьсот восемьдесят рублей. Теперь их не вижу. Пропали еще и золотые часы «Кировские» с широким кожаным ремешком-напульсником.

Сделав запись в блокнот о пропавших вещах, Темирзяев сказал:

– Смотрите дальше.

Выдвинул еще один ящик. Порылся в его глубине, после чего задвинул.

– Больше ничего не пропало.

– Это точно, что, кроме денег и часов, ничего больше не пропало? – переспросил Николая Григорьевича Темирзяев.

– Точно! – заверил его председатель кооператива и для убедительности кивнул.

– А в какую сумму вы оцениваете ваш товар, оставшийся на полках в витрине? – с интересом спросил Темирзяев.

– Примерно две с половиной тысячи рублей. А может быть, даже и больше.

– Немалые деньги, – произнес Марат Абдуллович, записав сумму в блокнот. – Можете идти. Мы с вами побеседуем позже. Пообстоятельнее.

Уговаривать Николая Волосоюка не пришлось. Кивнув в знак согласия, он быстро вышел за дверь.

* * *

Труп Матрены лежал на диване в жилой комнате. Занавеска была отдернута. Так что уже прямо от двери было хорошо видно, что девочку-подростка убили: голова ее была

разбита, густые темные волосы слиплись от обилия крови. Лежала она на диване с задранной выше колен юбкой, ноги ее при этом были закинута на слегка прогнувшийся валик и неприлично раздвинуты. Напрашивался вывод, что Мотю сначала изнасиловали, а потом убили, чтобы девочка не могла указать сотрудникам уголовного розыска на своего истязателя. Хотя могло случиться и наоборот: сначала убили, а уже потом изнасиловали. Подобное уже было, и из памяти горожан еще не выветрились воспоминания о нескольких убийствах женщин с последующим изнасилованием, случившихся в тяжелом сорок втором году. Причем женщин сначала именно жестоко убивали, а потом насиловали, во что поначалу трудно было поверить. Пойманный с поличным однорукий инвалид, насильник и убийца, судимый при закрытых дверях, был по приговору суда расстрелян в середине сорок третьего года. Держали его в полнейшей изоляции, опасаясь, что сокамерники его могут придушить.

Что Матрена Позднякова подверглась насилию, сразу же предположили те пятеро человек, что первыми увидели тело бедной растерзанной девочки, и тотчас разнесли тяжелую весть по всей округе. Именно так подумал и участковый уполномоченный Окулов, первым из милиционеров прибывший на место преступления. Он посетовал на то, что свидетели затоптали следы на месте преступления, однако осмотр произвел в должном порядке и отметил про себя, что, в отличие от помещения конторы, в комнате на первый взгляд

ничего не тронуто. Опросил всех пятерых, надеясь выудить из их показаний нечто значимое для следствия. Не особо-то и получилось. Все ответы сводились к одному – увидели труп, пережили ужас, никого постороннего не видели и хором жалели погибшую девочку.

Прибывшие немного позже следователь Альфред Кикин и судмедэксперт Георгий Барановский также решили, что произошло изнасилование с последующим убийством. Правда, судмедэксперт отметил для себя, что поза девочки хоть и недвусмысленная, указывающая на явное изнасилование, но для совершения полового акта весьма неудобная. Хотя... насильники тоже бывают разные – и роста, и комплекции. И предпочтения у них различные. А потом такое положение жертвы могло изувера возбуждать.

Осмотр трупа был тщательным и производился довольно длительное время. После чего в бумагах следователя Кикина при участии судмедэксперта Барановского появилась следующая запись...

«Гражданка Матрена Кирилловна Позднякова, четырнадцати лет, роста среднего, телосложения худощавого. Волосы темно-русые, нос с небольшой горбинкой, лицо белое, с правильным овалом.

Тело ее обнаружено утром в воскресенье пятнадцатого февраля 1948 года в районе девяти часов на диване в жилой комнате второго этажа здания, занимаемого промысловым кооперативом «Путь Октября», совершенно холодным.

Путем визуального осмотра и ощупывания были определены конкретные признаки окоченения групп мышц, что позволяет определить время наступления смерти. Предположительно, убийство произошло в субботу четырнадцатого февраля от двадцати одного до двадцати трех часов.

Волосы на голове покойной растрепаны и всклокочены, с большим наличием в них крови, которая успела загустеть. Левая рука лежит ровно вдоль тела. Ее ладонь неплотно сжата в кулак. Правая рука свешивается с дивана, пальцами касаясь пола. Обе ноги заброшены на диванный валик и раздвинуты. Под левым глазом имеется весьма глубокая ссадина длиной два с половиной сантиметра. Левое веко и левый же висок сине-багрового цвета с припухлостью кожи, возможно, от удара кулаком или иным твердым предметом. Посередине лба проникающая рана неправильного очертания, в глубине которой прощупывается кость. Еще одна схожая рана имеется на затылке. Оба ранения, одно из которых и могло вызвать смерть, нанесены тупым тяжелым предметом овальной формы с ограниченной поверхностью. На слизистой оболочке верхней губы кровавая ссадина величиною с сантиметр. На верхней части шеи с левой стороны довольно глубокая царапина длиной около трех сантиметров. Грудная клетка сформирована правильно, грудные железы развиты соответственно возрасту. Живот слегка вздут. На левой ноге сине-багровое пятно посередине коленной чашечки и две ссадины не более одного

сантиметра в длину. Каких-либо иных телесных повреждений не обнаружено. Наружные половые органы покрыты густым пушком, половая расщелина закрыта сближенными между собой большими детородными губами. Цвет их естественный. Задняя спайка больших губ гладкая. Каких-либо повреждений и признаков крови на больших детородных губах не обнаружено. Малые губы спрятаны за большими. Цвет их бледный, складок и повреждений не имеют. Девственная плева кольцевидной формы, без следов надрыва и кровоподтеков.

Покойная одета в белые шерстяные чулки, лиловую шерстяную юбку и шерстяную кофточку салатового цвета, на правом рукаве которой в самом низу имеется кровавое пятно размером с доньшико чайного стакана. Под кофточкой и юбкой – белая полотняная рубашка и байковые теплые рейтузы розового цвета. На них спереди с левой стороны присутствует бурое пятно размером с булавоочную головку. Низ рубашки и задняя часть рейтуз запачканы обильными испражнениями, случившимися либо от испытываемого прижизненного страха, либо после посмертного опорожнения кишечника.

Диван в том месте, где лежала голова убитой, обильно пропитан кровью. Под этим местом, вследствие протекания, имеются пятна крови и на полу. В прочих частях комнаты следов крови не обнаружено...»

Покуда участковый уполномоченный старшина Окулов

и следователь Кикин занимались опросом свидетелей, начальник городского отделения милиции майор Марат Темирзяев, на земле которого случилось убийство девочки Матрены Поздняковой с возможным покушением на изнасилование, ходил по помещениям конторы артели и размышлял.

А подумать было о чем, ибо что-то в этом деле – и начальник городского отделения милиции это чувствовал всем своим нутром – не склеивалось. Что-то было не так. Не походил нынешний случай на те, с которыми Марату Абдуловичу приходилось сталкиваться прежде за время службы.

Вроде бы получалось, что произошло банальное ограбление с убийством, каковые в Казани, увы, случались в последние месяцы нередко. Неустановленный преступник проник в помещение конторы через входную дверь, которую, по всей видимости, ему открыли. Откуда следует такой вывод? Убийство приходилось на вечер субботы, когда рабочий день закончен, и входная дверь была закрыта кроме ключа еще и на крюк, для усиления, как всегда поступали Поздняковы. Ведь контора ювелирно-художественной артели была еще и их квартирой, где они жили. А тут еще Матрена оставалась одна, поскольку дед ее уехал еще в пятницу в город Куйбышев навестить свою приболевшую сестру и вернуться обещал только в воскресенье вечером. Конечно же, Мотя заперла дверь на ключ и накинула крюк. Значит, в субботу вечером девочка впустила того, кого хорошо знала и кому до-

веряла. Иному человеку она бы попросту не открыла дверь.

И тому есть примеры. Свидетельница Имамова, одна из тех пятерых, которые первыми попали в злополучное воскресное утро в контору артели и увидели труп Моти, показала на допросе, что однажды Матрена, когда одна оставалась в конторе, не пустила в нее бухгалтера Рауде в половине девятого вечера забрать нужные документы, сказав, чтобы тот приходил завтра утром. И это несмотря на то, что артельный бухгалтер долго и нудно уговаривал девочку, несомненно узнавшую его по голосу, открыть ему. Чего уж тогда говорить о совершенно посторонних людях! Таковым в нерабочее время доступ на второй этаж был наглухо закрыт, и все прекрасно об этом знали. И вообще, Матрена была подростком организованным, благоразумным и весьма рассудительным, что отметили буквально все опрошенные свидетели, которые ее знали. Выходит, что убил ее человек, хорошо ей знакомый. По крайней мере, доверяла она этому знакомому больше, нежели тому же артельному бухгалтеру Рауде. Отсюда следует вывод – преступника следует искать в окружении покойной Матрены.

Еще один немаловажный момент: почему Мотю убили не в передней и не в коридоре? Она открывает дверь, впускает знакомого ей человека в помещение конторы, некоторое время идет вместе с ним и только потом получает смертельный удар по голове. После чего убийца преспокойно и очень хладнокровно начинает собирать все ценное в свою котомку.

Зачем понадобилось грабителю тащить Мотю, скорее всего, на руках в жилую комнату, класть ее на диван и добивать уже в лежачем положении? Почему из витрин в первой комнате конторы не похищено ни одной ценной вещи? Ведь так просто было разбить стеклянные двери и вытащить все ценное, что находилось в витрине! А там, по словам председателя артели Николая Волосоюка, разных ювелирных и весьма дорогих вещей было на сумму не менее двух с половиной тысяч рубликов! Если же преступник испугался возможного шума, который может произвести бьющееся стекло, то вполне реально было отыскать ключ от дверей витрины, ведь она в часы работы конторы стояла незапертой и ключ от стеклянных дверей, по всей видимости, находился в столе торгового агента.

Почему, опять же, не вскрыт несгораемый шкаф, в котором, надо полагать, находились настоящие деньги, а не те похищенные жалкие шестьсот восемьдесят рублей, что меньше месячного довольствия простого оперуполномоченного? Судя по всему, не было предпринято даже попытки вскрыть металлический шкаф. Что это за грабитель такой, что не имеет желания завладеть ювелирными изделиями, которые можно впоследствии выгодно продать, и даже не пытается вскрыть несгораемый шкаф, в котором наверняка находятся немалые деньги и, возможно, самые дорогие ювелирные изделия артели? А может, его кто-то спугнул, постучавшись в дверь, после чего он решил немедленно ретировать-

ся?

А может, дело вовсе не в ограблении конторы? И убийство Моти совершено вовсе не с целью последующего ограбления, а по каким-то иным, возможно личным, причинам, о которых следствие пока не догадывается? Может, хотели сначала что-то выяснить у нее, поговорить, поэтому-то ее и унесли в жилую комнату и положили на диван. А похищение из ящика председательского стола денег в размере шестисот восьмидесяти рублей и золотых часов совершено для того, чтобы направить следствие по ложному пути?..

Что ж, все эти вопросы еще раз указывают на то, что следует шерстить всех тех, кто находился в окружении Матрены, был ей наиболее близок и кому она безоговорочно доверяла...

Глава 2

Ямская слобода – это вам не хухры-мухры

Улица Ухтомского, на которой стоял каменный двухэтажный дом, где размещалась ювелирно-художественная артель «Путь Октября», до революции называлась Первой Ямской. Это потому, что находилась эта улица на территории Ямской слободы – одной из старейших городских слобод. Еще в середине шестнадцатого века за Протокой, где начинался большак, ведущий в западные земли Руси, возникло поселение из охочих людей, обеспечивающих извоз и почтовую гоньбу. То бишь ямщиков, содержащих лошадей, что отвозили в назначенные места почту, грузы и государевых людей, спешащих по казенной надобности. А это вам не какое-то там баловство...

С течением времени селение все более разрасталось, расширяя свои границы и захватывая заливные пойменные луга близ Волги, которые превращались помалу в огороды и места для выпаса скота. Благо, что трава там всегда росла высокая и очень сочная. В селении образовались улицы, переулочки, тупики. Возникло и вполне логичное название – Ямская слобода. А в первой половине восемнадцатого века слобода вошла в границы города, поскольку находилась недалеко

от центра, то есть Кремля. Хотя... Вряд ли от такой экспансии город в чем-то выиграл, кроме разве что увеличения территории. Поскольку в Ямской слободе селились уже не только ямщики и прочие государевы люди, но и остальная публика, зачастую неопределенных занятий и с малым достатком, причем нередко весьма сомнительного, а то и просто темного происхождения.

Для порядка в Ямской слободе держали пару городских, больше занимавшихся мздоимством, нежели исполнением своих первоочередных обязанностей. Городские власти на слободу мало обращали внимания, смотрели буквально вполглаза, да и то всегда без большой охоты. Их не очень-то беспокоили порядок и чистота на окраинах Казани, поскольку нелегко было обеспечивать аккуратность и на центральных городских улицах. Люди-то, пусть и хорошо одетые и со значительным достатком, по природе своей мало отличались от тех, что проживали в городских слободах. Да и чиновные визитеры из столицы, что время от времени посещали город, проезжали лишь по центральным городским улицам и останавливались исключительно в домах знати. Оттого и ведать не ведали, что делается в городских слободах.

Ну ежели только раз в год, а то и реже того посетит слободу какой-либо средней руки чин из комиссии городской думы, да и то в какой-нибудь из летних месяцев, поскольку по весне или осени здесь из-за непролазной грязи ни прой-

ти (разве что на высоких ходулях, чем неизменно пользовались местные жители), ни проехать. И далее этот невысокий чин, исполнив докучливую обязанность, напишет в отчете, что, дескать, Ямская слобода – местность пыльная и весьма неустроенная в бытовом отношении. С плохими-де немощеными дорогами и с худыми домами сельского типа, среди которых если и имеются каменные дома, так это непременно какие-нибудь склады или рабочие казармы. Либо дешевые ночлежки, где рабочий люд знается с гулящими девками и пропивает полученную копеечку. И держатели таких ночлежек должного порядку не поддерживают и принципы санитарии совершенно не блюдут.

Для обсуждения отчета визитера соберется думская комиссия, посудачит в глубокой задумчивости о том да о сем и примет решение поручить полицейским чинам навести приличествующий городскому поселению порядок и по наведении оного доложить. Полицейские чины, конечно же, слободу посетят и на собственников домов, что не обеспечивают санитарно-гигиенический порядок, наложат подобающие штрафы, и часто немалые. Однако на том все и завершится до следующего визита в слободу, который закончится аналогичным отчетом, который затем попадет в архив и будет пылиться до тех беспросветных пор, куда его не изгрызут в труху мыши. После чего его попросту выкинут на городскую свалку. А порядку в слободу как не бывало, так и нет. И целыми десятилетиями в ней ровным счетом

ничего не меняется. Вот разве что в худшую сторону, как это нередко бывает в провинциальных городах России. Ну какой может быть порядок там, где в количествах, намного превышающих среднюю норму, проживают тяжкие пропойцы, нищие, мошенники, бывшие каторжане и жуликоватые личности, которых хлебом не корми, но дай кого-нибудь облапошить? Тем, собственно, и проживали.

Достаточно в Ямской слободе было и падших женщин из числа солдаток или незамужних. Так что ежели кому захочется заполучить низменных удовольствий – так будьте добры пожаловать сюда, в Ямскую слободу. Здесь тебя накормят, напоят и на кушетку уложат с местной распутной мамзелькой, берущей за доставление удовольствия совсем недорого, всего-то тридцать копеек. Даже три выстроенные в Ямской слободе одна за другой мурованные церквушки не сделали благочестивым ее население, хотя и имели предостаточное количество прихожан. Да что там говорить, ежели супротив двух храмов с золочеными куполами, в точности через дорогу и слегка наискосок, стояли питейные заведения, где в любое время дня и ночи можно было купить водку и хорошую закуску. А немного поодаль от третьей церкви имелось двухэтажное каменное здание, в котором размещался «веселый дом» с падшими девками, музыкой, вином и водкой.

Во второй половине девятнадцатого века в слободе стали строиться небольшие фабрики и заводы. А вместе с ними стали появляться и купеческие домовладения. Слобода

крепла, богатела. Появилось немало состоятельных людей. За заводами да фабриками и накопленным добром нужен постоянный хозяйский глаз. Вот и сыновья купца второй гильдии Осипа Терентьевича Тихомирнова, Василий и Иван, выстроили на Первой Ямской улице (главной в слободе) каменный двухэтажный особняк с мезонином. Недалече от него поставили стекольный заводик – лили в специальных машинах колерные бутылки – пивные, ликерные, водочные, для шампанского и для аглицкой горькой настойки, что приводит в тонус желудок и будит нешуточный аппетит. А еще изготавливали разных фасонов фужеры, рюмки, стопки, стаканы и прочую стеклянную посуду из цветного и бесцветного стекла.

После Октябрьской революции стекольный завод, где директором некоторое время был один из сыновей Осипа Терентьевича, был национализирован. Перемены на пользу не пошли, предприятие стало потихоньку сбавлять обороты, и к началу сорокового года его и вовсе остановили за ненадобностью. Наследники купца Осипа Терентьевича Тихомирнова бесследно исчезли. Кто-то говорил, что они в начале двадцатых уехали за границу, кто-то заявлял, что обоих братьев с семьями расстреляли недалеко от железнодорожной насыпи чекисты. Опустевший же дом Тихомирновых передали в распоряжение областного земельного управления, и там довольно долгое время проживал работный люд Фабрики киноплёнки № 8. К началу сороковых годов фаб-

рика разрослась, сделалась одной из ведущих в своей отрасли и построила рядом со своим производством два больших общежития для рабочих и служащих. И фабричные рабочие съехали из дома в Ямской слободе, поскольку уж слишком долго приходилось добираться им до места работы.

Весной сорок первого года дом Тихомировых на бывшей Первой Ямской основательно подремонтировали, в некоторых местах поменяли кладку, покрасили фасад и устроили в нем две отдельные жилые квартиры: трехкомнатную на втором этаже и однокомнатную на первом. Вскоре обе квартиры были заселены. Второй этаж дома заняла семья инженеров, состоящая из Кирилла и Марины Поздняковых, их сына-подростка Матвея, малолетней дочери Матрены и отца Марины – Степана Кирилловича. Первый этаж заняла семья Волосюк, состоящая из двух человек: отставного майора внутренней охраны Волосюка Николая Григорьевича и его супруги Алевтины Васильевны. Их однокомнатная квартира занимала меньшую часть первого этажа дома. А большая являлась складским помещением для готовой продукции бывшего стекольного завода. На тот момент там складировалась разбитая деревянная тара, предназначенная, очевидно, для починки, до которой никак не доходили руки.

Пожил в новой трехкомнатной квартире инженер Кирилл Поздняков совсем недолго: в июле одна тысяча девятьсот сорок первого года, как и многие его сверстники, он был призван на фронт. И в одном из первых же боев с немцами,

где-то в районе Киевской области, пропал без вести. Марина после получения горестной вести продолжала ждать его всю войну и весь послевоенный сорок шестой год, надеясь, что в один распрекрасный день ее Кирюша вернется живой и здоровый. Подняла вместе со своим отцом детей и даже поженила сына Матвея на хорошей девушке по имени Галина. В том же сорок шестом году Матвей Поздняков по распределению после окончания техникума уехал вместе с женой в город Актюбинск на завод ферросплавов, где получил должность технолога. А как закончился сорок шестой год, Марина, потеряв веру в возвращение мужа, крепко запила. И пила не как мужик – запоями, после которых случается когда кратенький, а когда и внушительный перерыв и снова продолжительный запой, – а каждый день. Без всяких перерывов. И в начале марта сорок седьмого года ее нашли замерзшей в сугробе на пустыре метрах в трехстах от тихомирновского дома. Бабы, они ведь спиваются быстрее мужиков. И кончают плохо тоже быстрее...

Той же весной сорок седьмого года, уже в мае месяце, в самом его начале, между насельниками дома купцов Тихомирновых состоялся откровенный разговор. Николай Григорьевич Волосюк по-соседски вышел с предложением к Степану Кирилловичу Позднякову об организации ювелирной артели (ювелирно-художественной – это чтобы она подпадала под определение *промысел*) в их доме. Дескать, помещения имеются, возможности и желание также наличествуют; тол-

ковые мастера тоже найдутся. Так почему бы не попробовать?

– Ты ведь, Степан Кириллович, когда-то работал в подобной артели? – посмотрел на Позднякова отставной майор внутренней охраны Волосюк. – Помнишь, ты как-то мне рассказывал, что вы серебряные крестики лили да иконки для граждан чеканили? – добавил Николай Григорьевич, в упор глядя на Позднякова.

– Было дело, – неохотно отвечал Поздняков. – Только ведь это до революции было. Иконки мы разные делали, крестики серебряные, потом разную церковную утварь. Хорошие мастера были. Только где они сейчас?

– Ну вот видишь, кому, как не тебе, знать, как надобно в этом деле все надлежащим образом устроить? А разрешение использовать наш дом под прибыльное дело и прочие организационные вопросы я беру на себя, – самоуверенно заверил Степана Кирилловича Николай Волосюк.

– А мы что, крестики, иконки и прочую церковную мелочь будем изготавливать? Как тридцать с лишком лет назад? – не без иронической нотки в голосе поинтересовался Поздняков. – Оно как-то в нынешнее время не приветствуется.

– Не, пойми меня правильно, тут другое, потому что и время нынче иное, – отмахнулся Николай Григорьевич, не заметив иронии в словах Степана Кирилловича. – Правильно ты говоришь, что спросу особого на такой товар не будет. Да и не разрешит нам никто крестики с иконками выпус-

кать. Это до революции людям было нужно, а теперь народу украшения да безделицы разные нужны, чтобы глаз радовать да себя тешить, – резонно заключил Волосюк. – Народ после войны по-другому жить хочет. И по возможности лучше, чем раньше. Потому как истосковался по нормальной жизни, – добавил он. – И мы в этом станем ему помогать. Что ж в этом плохого? Наоборот, людям помочь нужно.

– И что ты собираешься делать? – кажется, начал всерьез воспринимать предложение соседа Степан Кириллович.

– Да уж не крестики с образами, – усмехнулся Волосюк и добавил: – К примеру, можно колечки мастерить, цепочки разного плетения, броши, серьги, браслеты, портсигары. Поначалу, конечно, из серебра будем мастерить, а там авось и до золоченых вещиц вскорости дорастем.

Предложение Николая Волосюка выглядело вполне разумным. Артели существовали испокон веков и занимались совершенно разным промыслом: от ловли рыбы до изготовления разной галантерейной мелочи, памятных гравировок и дарственных надписей на различного рода сувенирах и подарках. Советские артели, то есть производственные кооперативы в форме добровольно созданного коллективного хозяйства, выпускали и предметы быта, в том числе качественную мебель, и даже радиолы, фотоаппараты и ламповые и детекторные радиоприемники, которые по качеству были ничуть не хуже тех, что выпускали государственные предприятия. А в некоторых случаях даже их превосходили.

В годы войны все артели были перепрофилированы на создание вооружений, боевой техники, обмундирования и вещевого имущества для нужд Рабоче-крестьянской Красной армии. Не составили исключение и ювелирно-художественные промысловые кооперативы: вместо галантерейной мелочи, женских украшений и предметов сервировки стола вроде серебряных подстаканников и посеребренных мельхиоровых ложек артели принялись выпускать циферблаты, стрелки к наручным часам и полевым приборам, металлические пуговицы для военной формы и покрытые эмалью воинские знаки отличия. Так продолжалось вплоть до тысяча девятьсот сорок третьего года, когда вышло постановление Совета народных комиссаров РСФСР от седьмого февраля сорок третьего года за номером сто двадцать восемь. Называлось оно вполне определенно: «О мероприятиях по восстановлению и развитию народных художественных промыслов в СССР». Это означало, что ювелирно-художественные промысловые кооперативы получили законодательное право наряду с пуговицами, знаками отличия и часовыми стрелками выпускать товары народного потребления, которые включают в себя брошки, пряжки, портсигары, зажигалки, браслеты для часов, кулоны, цепочки, колечки и прочие изделия, имеющие собирательное название – культпромышленность. На фронте советские войска делали все возможное, чтобы приблизить победу в Великой Отечественной войне, и правительство рассчитывало в скором времени перестроить во-

енную промышленность на мирное производство, где будут преобладать гражданские товары, которые в войну не производились: костюмы, платья, пальто, обувь, шапки и другие товары, столь нужные в повседневной жизни. И кооперативы являлись только первыми ласточками.

После войны ювелирно-художественный промысел, зовущийся еще «народным» (и это было по большей части верно), расцвел в полную силу. Чем и решил воспользоваться отставной майор внутренней охраны Николай Григорьевич Волосюк, не привыкший сидеть сложа руки. А и правда: почему не воспользоваться пустующими помещениями первого этажа, что некогда были складом стекольного завода? Тем более что никакой деревянной тары в нем уже не было несколько лет и в помине, поскольку поломанные ящики в годы войны сожгли в топках печей и буржук, сработанных из железных бочек и водосточных труб. А потом, привлекали цены на данную ювелирно-художественную продукцию. Медные посеребренные сережки – от пяти до семи целковых. Примерно такая же стоимость у посеребренных медных колец. А посеребренные медные пряжки с россыпью прессованных камней? Они стоят целых два червонца! Плохо ли? А теперь прикинем, сколько будут стоить позолоченные женские украшения? Разная там безделица: цепочки, сережки, брошки, кулоны и кольца... А расписная керамическая посуда? Главное – правильно договориться с работниками местного отделения Союзювелирторга, что снабжают

ювелирно-художественные артели сырьем. Что тоже вполне решаемо...

– А под цех пустующие помещения первого этажа определим, – продолжал Волосюк вдохновенно уговаривать старика соседа дать свое согласие на устройство артели в их доме. – Негоже, что они пустуют, верно? Можно ведь с них и копеечку какую-то получить. Вот Мотя скоро подрастет, она уже и так совсем девушка... Деньги потребуются, чтобы ее приодеть. Приданое нужно будет. А тут сразу богатая невеста! Свадьбу шикарную сыграешь, а еще и молодым кое-что достанется.

Похоже, что у Николая Григорьевича дело шло на лад, все продумал, взвесил, мужик-то он хваткий, поэтому и решил дальше ковать железо, покуда горячо.

– Если так, то я не против. Главное, чтобы между нами понимание во всем было. Без обмана!

– Степан Кириллович, да кто же тебя обманывать-то будет? Мы с тобой еще и договор заключим. Тебя же я еще кое о чем хотел попросить, – продолжил Волосюк мягко, насколько позволял его выработанный на службе майорский голос. – Чтобы ты одну из своих комнат, а лучше две, под контору артели отписал. Ну зачем вам с внучкой целых три комнаты? Пыль копить? А я тебе за это отдельно приплачивать стану...

Предложение было вполне приемлемым. Естественно, в зависимости от того, сколько Волосюк будет приплачивать

за предоставление жилых комнат под помещения конторы. А потом, внучка скоро девушкой станет. И ей понадобится отдельная комната...

– Насчет артели я не против. А вот то, что касается комнат... Мне нужно подумать, – ответил Степан Кириллович. – Посоветуюсь еще с Мотей.

– Конечно, посоветуйся, – легко согласился с соседом Волосюк. – Кстати, можно и ее будет пристроить к делу, какую-то денежку станет получать, – как бы ненароком заметил Николай Григорьевич, глядя куда-то мимо собеседника. – Времени это много не займет. Готовить еду нам будет, поручения кое-какие исполнять, может когда и контору сторожить... Все пристроена к делу будет, да и на глазах всегда, так что никто не обидит. Ты ж не против, поди, будешь контору артельную сторожить? Тем более что она через стенку от твоей комнаты будет находиться, – усмехнулся Волосюк так, будто дело было уже решенным.

– Не против, конечно, – согласился старик Поздняков. – А еще чем прикажешь заниматься?

– Подсказывать мне будешь, что да как делать надо. Особенно на первых порах. Ну а когда людей толковых наберем да производство наладим – тоже без дела не останешься. Помимо того, что контору сторожить станешь, так еще и обязанности истопника выполнять будешь: заниматься добычей и доставкой дров. Без этого тоже никак нельзя. Зимы-то у нас суровые... Короче, – посмотрел на Степана Ки-

рилловича Волосюк, – найдем тебе применение... Без дела не останешься и не на хлеб, а еще и на маслице сможешь заработать.

Два дня ходил Николай Григорьевич по присутственным местам, как раньше назывались разного рода разрешающие, запретительные и надзирающие учреждения, осуществляющие прием граждан по разным их надобностям. В первый день вернулся с тремя напечатанными листками документов, на которых стояли подписи и синие печати. На второй день он получил какую-то важную бумагу с водяными знаками и круглую печать артели с деревянной рукоятью. На этом организационные вопросы по открытию промыслового кооператива были решены. Приобретение оборудования, сырья и материалов плюс набор рабочих заняли еще полторы недели. И с конца мая сорок седьмого года ювелирно-художественная артель «Путь Октября» развернула свою деятельность. Поначалу с изготовления исключительно медных изделий. К осени сумели освоить серебрение и изготовление изделий из мельхиора и чистого серебра (на его поставку Волосюку удалось договориться с Союзювелирторгом невероятно быстро), а под конец сорок седьмого года наладили золочение. Особо удавались мастерам серебряные водочные и коньячные стопки, золоченные внутри. Они словно светились изнутри, и напиток в них становился как бы мягче и даже вкуснее. Если такое можно сказать применительно к водке. А еще особым спросом начали пользоваться позо-

лоченные серьги «Звездочка» и «Калачи» и серебряные броши «Голубь» и «Червячок».

Так что ювелирно-художественный промысел Николая Волосюка приносил весьма ощутимую прибыль. На что, собственно, председатель артели и строил расчет, открывая свое «народное» предприятие. К этому времени в консультационных услугах Степана Кирилловича Волосюк более не нуждался – Николай Григорьевич мужик был дотошный и сообразительный, которому было достаточно один раз растолковать, чтобы он все понял, намотал на ус и стал умело обходить препятствия, которые неизменно возникают на пути при каждом прибыльном деле.

Однако Степан Кириллович, как и обещал Волосюк, без дела не остался. В его обязанности кроме охраны помещений промыслового кооператива «Путь Октября» входила топка этих помещений в зимние и холодные дни и заготовка дров. К последней из обязанностей он приспособился весьма быстро: на подводе, принадлежащей артели, старик ездил на устье Протоки, где марийцы продавали лес. Здесь стояли дровяные сараи, где хранился некондиционный лес, что разгружался по весне, и имелась пилорама, на которой этот лес пилился. За отдельную плату клиенту могли дрова еще и наколоть, и связать. Правда, такая вязанка, довольно небольшая, стоила три рубля, что, как справедливо считал Степан Кириллович, было накладно. Поэтому Поздняков предпочитал колоть дрова самостоятельно, что у него,

несмотря на преклонный возраст, покуда получалось вполне сноровисто.

Матрена помогала деду сторожить и растапливать печь, дающую тепло на оба этажа. Бывало, сидела в конторе и за торгового агента (в его отсутствие), нередко принимала от посетителей заказы и отпускала гражданам понравившиеся изделия артели. За это она получала семьдесят пять рублей. Степану Кирилловичу председатель артели Волосюк положил четыре с половиной сотни. Да кое-что еще приплачивалось за две комнаты, отданные Поздняковыми под помещения конторы артели. Так что жить можно было вполне сносно. Не бедствовали.

Так продолжалось до воскресенья пятнадцатого февраля сорок восьмого года, когда Матрены не стало. Ну как назвать человеком того, у кого поднялась рука на четырнадцатилетнюю девочку?

Глава 3

Арест Волосюка

Окружение Матрены было небольшим. Школьные подружки; немногочисленные соседи по двору, знавшие девочку с малолетства; еще сам дед, председатель артели Волосюк и люди, что работали в конторе на втором этаже: бухгалтер и торговый агент. Ну если она как-то вечером в нерабочие часы не впустила бухгалтера в контору, то по каким таким причинам она должна впустить его поздним вечером четырнадцатого февраля? А ежели она не впустила бухгалтера, то с какой стати она открыла бы дверь торговому агенту, а уж тем более кому-либо из рядовых работников артели? Да и не входили они в ближайшее окружение Моти.

Школьные подружки, такие же малолетки, как и сама Матрена, при первом же разговоре сразу были исключены из числа подозреваемых, каждая из них имела алиби. Смерть Матрены восприняли близко и кроме слез добиться от них чего-либо было невозможно. Остался без ответа вопрос: кто из ее знакомых способен был на ограбление или мог желать смерти девочке?

Для соседей по двору смерть Матрены также была большим шоком. После беседы с каждым из них все они были вычеркнуты из числа подозреваемых. Чужих во дворе также не наблюдали.

Степан Кириллович Поздняков убить родную внучку, понятное дело, не мог. Конечно, если бы с ним не произошло умопомешательство, какое случилось с неким Федором Богдановым, жителем Ягодной слободы, в декабре сорок седьмого года. Он вдруг взял и раскрыл головы четверем своим дочерям. А когда пришел в себя, то постарался обставить дело таким образом, будто бы на его дом напали бандиты. И ведь поначалу ему поверили, так как никто даже подумать не смел, чтобы родной отец, всю войну в одиночестве тянувший своих дочерей, которых безмерно обожал, вдруг мог через два года после войны убить их. Федор Богданов для убедительности, что на его дом напали грабители, и себя порезал в трех местах и едва не истек кровью, что вполне могло случиться, если бы медицинская помощь запоздала хотя бы на полчаса. Делом Богданова занимался отдел по борьбе с бандитизмом городского управления милиции. И тамошним сотрудникам все же удалось доказать, что именно Богданов, и никто иной, лишил жизни своих дочерей. Тогда, потрясенная случившимся, гудела вся Казань: шутка ли – отец убил четырех своих дочерей, уцелевших в тяжелую военную годину благодаря его же стараниям. Не иначе как сдали нервы у мужика, что нередко случается в трудное время, а вместе с ними и мозги. Получается, что и такое бывает...

Но совершить преступление Степан Кириллович не мог по одной-единственной причине: на момент убийства он отсутствовал в городе и гостил у приболевшей сестры в Куй-

бышеве. Значит, следует покамест остановиться на Николае Волосюке...

Николай Волосюк был вызван в отделение милиции повесткой. Прошел в кабинет без стеснения, держался уверенно, всем своим видом давая понять, что скрывать от властей ему нечего.

Допрашивал его майор Темирзяев едва ли не два часа. Важно было определить его психологическое состояние. Задавал разные и очень неожиданные вопросы, вроде бы каким образом не относящиеся к делу.

– Как вам служилось во внутренней охране? – добродушно поинтересовался Марат Абдуллович.

– Хорошо служилось. Мне нравилось. Вы откройте мое личное дело и посмотрите... Ни одного нарекания за службу, одни благодарности.

– Да, я изучал. Начальство вас постоянно отмечало. Но я хотел услышать ответ от вас.

Николай Волосюк выглядел спокойным. Крепкие руки, которые за время разговора даже не пошевелились, держал на поверхности стола. С первых же минут он производил благоприятное впечатление. Но в своей практике Темирзяев знал немало случаев, когда злодей мог выглядеть весьма милым человеком.

– А почему вы выбрали именно такую службу?

– Я ее не выбирал, – произнес Волосюк, слегка удивившись неожиданному вопросу, никак не связанному с про-

изошедшим преступлением. – Меня направили от завода, где я работал. Объяснили, что во внутренней охране не хватает кадров. Требуется сознательные комсомолы, вот так я и оказался на этой службе. Не хочу сказать, что служба мне сразу как-то понравилась. Поначалу непривычно было, но потом ничего... втянулся. Коллектив был дружный. Встретили меня хорошо, поддержали. А потом любая работа нужна.

– Это я с вами согласен. А каким образом вы получили отдельную квартиру в особняке купцов Тихомирновых на улице Ухтомского?

– Что вы имеете в виду? Должен же я где-то жить?

Майор Темирзяев хмыкнул:

– Все верно. Жили. Но жили вы в бараке около железнодорожного вокзала. Согласитесь, не самое лучшее место для проживания. Сколько семей проживало в бараке?

– Сорок.

– Вот видите, сорок семей. Прямо скажем, немало. А сейчас у вас отдельное жилье, да еще в каменном теплом доме с толстыми стенами. Знаете, не каждому так везет, как вам.

– Не каждому, – не сразу согласился Николай Волосюк. – Только ведь я эту квартиру заслужил. Она мне не с неба упала.

– Предположим. Вы ведь председатель ювелирно-художественной артели? – внимательно посмотрел на допрашиваемого Марат Абдуллович.

– Именно так, – равнодушно произнес Волосюк.

– А как вам удалось в столь короткий срок не только решить все организационные вопросы по открытию ювелирно-художественной артели, но и организовать производство товаров местной культпромышленности таким образом, чтобы оно в самом скором времени полностью окупилось и начало приносить существенную прибыль? – деликатно осведомился Марат Абдуллович.

– Я не вижу в этом ничего удивительного. Вот вы ведь профессионал в своем деле... Ловите злостных преступников, сажаете их в тюрьму, вот так же и я грамотно занимаюсь своим делом, – без намека на иронию произнес Николай Волосюк. – На заводе я был мастером, у меня богатый опыт в общении с людьми. Имеются организаторские способности. Все это мне помогло быстро наладить производство.

– Все понятно, – едва заметно кивнул Темирзяев. – А с женой, позвольте спросить, какие у вас взаимоотношения?

Николай Григорьевич, косо глянув на майора милиции, скупо ответил:

– Семейные. Вас устраивает такой ответ?

– Вполне. А то знаете, как бывает... На работе человек один, а вот дома совершенно другой.

– Ко мне это не относится.

– Давайте теперь поговорим о главном. Вы хорошо помните субботний день четырнадцатого февраля?

– Разве такое возможно забыть? – невесело отозвался

председатель. – Хотел бы, да не забуду.

– Где вы были в этот день утром и что делали на протяжении дня?

– Проснулся я рано. После того как умылся и позавтракал, заглянул в ателье. Мастера уже были на своих местах, – обстоятельно принялся перечислять события субботнего дня Николай Волосюк. – Работали. С этим делом у нас строго, никто не опаздывает. Подошел к гравировщикам, они сказали, что нужны новые насадки для работы. У одного из них поломалась мини-дрель. Все это нужно было достать. Собственно, именно этим я и занимался большую часть дня. Съездил на склад, что на улице Подлужной. Там мне обещали дать нужные насадки для гравировки. Дверь склада снегом замело. Ночью снегопад был большой, так я сторожу еще помог немного сугроб разгрести. Мини-дрели там не оказалось. Можете у него спросить.

– Спросим, – пообещал майор Темирзяев. – Что было дальше?

– Разговаривал с другими гравировщиками в городе, они обещали помочь. Один из них работает в ателье на Телефонной улице, а двое других на Народной. И все это в разных концах города. Пока доберешься из одного района в другой, так до кишок промерзнешь. А транспорт ни черта на ходит! Пока его наконец дождешься, так весь задубеешь! В ателье на Народной я купил у одного из мастеров мини-дрель... Семеном его зовут... За приличные деньги, между прочим.

Можете спросить у него, он подтвердит. Дел хватало в тот день, не на печи лежал.

– Вы потом мне отдельно напишите, с кем встречались и в какое время. А сейчас распишите по минутам весь свой вечер четырнадцатого февраля. Где вы были, с кем встречались?

– С которого часа? – подавил вздох Волосюк.

– Давайте с пяти часов.

– Хорошо... В половине пятого я созванивался с Союзом-велирторгом. Серебро у нас заканчивается, хватит всего-то дней на десять, обещали продать пока десять килограммов. Нужно было срочно оплатить. Я ездил в банк, чтобы перевести деньги. На это у меня ушло часа полтора. Потом я вернулся в контору, где вместе с бухгалтером Рауде занимался приблизительно до половины девятого финансовыми делами, а потом пошел домой.

– Можете сказать, какими именно бухгалтерскими делами вы занимались?

– Не уверен, что вам это интересно, а потом – бухгалтерия никак не относится к убийству Матрены.

– Это нам решать – относится или не относится, – строго заметил Марат Абдуллович. – И почему так долго вы занимались финансовыми делами? Неужели бухгалтер не справляется?

– Бухгалтер справляется. Он весьма опытный и грамотный специалист, дело в другом... У нас коллектив все-та-

ки немаленький, двенадцать человек. А в тот вечер мы распределяли прибыль между членами производственного кооператива в соответствии с их трудовым участием в деле. Старались поделить прибыль таким образом, чтобы никому не было обидно, строго по уставу. Поверьте, это непростая задача и за пятнадцать минут ее никак не решить. Каждый из участников кооператива считает, что он работает больше других. Еще следовало очертить размер неделимого фонда кооператива, чем мы тоже занимались, что весьма просто. Ведь месяц назад мы взяли на работу дополнительно еще двух ювелиров, они стали членами нашего кооператива, а значит, должны заплатить десять процентов паевого взноса, а оставшуюся часть в течение года. Мы предложили им высчитывать у них ежемесячно от прибыли какую-то небольшую часть, на что они согласились. Соображали, как удобнее это сделать. Вот так и ушли эти два с половиной часа.

– А отложить эти дела до понедельника разве нельзя было? – удивленно спросил майор.

– В понедельник я обещал сотрудникам выплатить зарплату, – уверенно произнес председатель кооператива. – Деньги пришли хорошие, так чего же тянуть? У каждого из мастеров семьи.

– Понятно... Вы ушли вместе с бухгалтером или все-таки по отдельности?

– Из конторы мы вышли вместе. Я направился к себе в квартиру, а Адольф Карлович пошел на трамвай в сторону

Кирова.

– А где проживает бухгалтер Рауде?

– В трехэтажном доме дореволюционной постройки на углу улиц Пушкина и Малой Проломной.

– В этом доме есть обувная мастерская?

– Да, в небольшом деревянном пристрое.

Расписавшись на повестке, майор протянул ее Николаю Волосюку:

– Можете быть свободны. Думаю, что нам придется встретиться еще раз.

– Буду раз помочь следствию, – взяв повестку, сказал Николай Григорьевич.

Марат Абдуллович внимательно посмотрел на Волосюка. Но тот оставался серьезным.

* * *

К бухгалтеру Рауде Темирзяев добрался на новенькой служебной «Победе». Водителю велел подождать во дворе, а сам по утопанному снегу направился к подъезду, над которым нависал длинный металлический козырек. Поднялся на второй этаж, где проживал Рауде, и громко постучался в дощатую дверь.

– Иду! – прозвучал из глубины комнаты голос, и через полминуты дверь распахнулась.

– Майор Темирзяев, – представился Марат Абдуллович. –

Вы Рауде Адольф Карлович?

– Он самый, – удивленно проговорил хозяин.

Адольф Карлович Рауде оказался высоким крепким мужчиной немного за сорок. Впечатление производил благоприятное. Спину держал прямо, даже горделиво. Он больше походил на отставного военного, нежели на человека, имеющего столь мирную профессию, как бухгалтер.

– Разрешите войти, я по делу об убитой Матрене Поздняковой.

– Проходите, – отошел в сторону Рауде.

В теплой гостиной было уютно. На полу лежали толстые ковры, мягко глушившие тяжелые шаги. Через застекленные дверцы громоздкого старинного шкафа просматривалась фарфоровая посуда, указывающая на достаток. У стены стоял большой кожаный диван темно-коричневого цвета.

– Где тут можно присесть? – осмотрелся по сторонам Темирзяев.

– А вот давайте присядем за стол, так удобнее. Прошу вас, – указал хозяин квартиры на стулья с высокими удобными спинками.

Марат Абдуллович присел, достал блокнот с простым карандашом, положил их на белоснежную скатерть и спросил, посмотрев на Рауде:

– Расскажите мне, что вы делали вечером в субботу, четырнадцатого февраля?

Адольф Карлович сидел не горбясь, взирал с пониманием.

– Ничего особенного. В три часа пришел в контору, писал финансовый отчет. А потом подошел Николай Григорьевич, и мы вместе занимались нашими кооперативными финансовыми делами.

– А во сколько часов вы ушли из конторы?

– Где-то в половине девятого мы ушли. Дальше оставаться я не мог, после девяти часов вечера трамваи очень плохо ходят. Вот поэтому я поспешил.

– И куда вы направились?

– Домой. По своему обычному маршруту. Дошел до улицы Кирова, на остановке дождался трамвая, сел в него и доехал до площади Куйбышева. А оттуда уже пешком добрался до дома. Идти всего-то несколько минут.

– А вас видел кто-нибудь, как вы добирались до дома?

– Дайте подумать... Видела одна моя знакомая.

– Что за знакомая?

– Одно время в нашем кооперативе работала ее сестра. Потом она ушла по каким-то своим причинам... Вот эта моя знакомая часто навещалась к своей сестре. Собственно, таким образом мы и познакомились. При встрече раскланиваемся, разговариваем, – едва улыбнулся Рауде. – Беседовали и в этот раз. Она очень милая женщина.

– И как ее зовут?

– Гульнура... Фамилию никак не могу припомнить, – призадумался Адольф Карлович. – Крутится на языке, а вот сказать... Религиозная мусульманская фамилия. Эта женщи-

на – одна из тех, что первыми увидели убитую бедную Матрону. Там вместе с ней была еще ее подруга Клавдия Бочкарева и старик Карташев.

– Ее фамилия не Имамова, случайно?

– Точно, она самая! Имамова! – обрадованно произнес Рауде.

– А еще приблизительно в начале десятого меня соседи по лестничной площадке видели, когда я дверь ключом открывал. Они в это время из гостей возвращались. Их дверь как раз напротив моей, можете у них поинтересоваться.

Записав в блокнот показания хозяина квартиры, майор Темирзяев спросил:

– А правда, что вас однажды не впустила в контору в нерабочее время Матрена Позднякова?

Рауде едва заметно улыбнулся:

– Так оно и было. Я постучал в дверь конторы, представился, сказал, что очень нужно. Она и голос мой узнала, но все равно не впустила. Долго уговаривал. Без толку! Дисциплинированная была девочка. Ей председатель сказал никого не впускать в нерабочее время, вот она и не впускала.

– А почему вам так нужно было в контору?

– Хотел взять нужные бумаги, чтобы дома подсчитать подоходный налог и с утра отправить отчет в республиканский налоговый орган. У нас с этим делом строго. Тем более что в последние годы финансовые службы ведут борьбу с различного рода спекуляциями. На трех моих знакомых пред-

принимателей завели уголовные дела. Так что очень не хотелось бы оказаться в их числе. – Немного помолчав, Рауде продолжил: – Знаете, Матрена все время испытывала ко мне какое-то недоверие.

– И почему, как вы считаете?

– Думаю, потому, что я немец. Сейчас с такой национальностью непросто жить. И у Матрены имелись причины недолюбливать меня. Отец ее на войне погиб, мать, можно сказать, от горя померла. Сиротой осталась. Бедная девочка. Горькая у нее судьба... Но я ни на кого не обижаюсь. Время нынче такое. Не объяснять же всем, что мои предки проживают в России едва ли не с середины семнадцатого века. Я больше русский, нежели немец. Знаете, я в сентябре сорок первого года трое суток в изоляторе временно-го содержания просидел. Думали, если я немец, то, значит, шпион. Потом из военкомата позвонили, объяснили ситуацию, ну меня и отпустили. Разобрались, в общем... Я ведь немецким свободно владею, вот мои знания и пригодились. Сколько на фронт просился, все не отпускали. Бронь! Только в январе сорок четвертого сумел убедить, что я там нужнее, чем здесь.

– Имя тоже у вас непростое... Адольф, – улыбнулся майор. – Непросто, наверное, с ним.

– Сейчас уже не так, а вот в начале войны и вправду было очень непросто. Мои знакомые Адольфы свои имена сразу же поменяли – длинные очереди из Адольфов в первые

дни войны у паспортных столов выстраивались, а я вот даже не думал менять. Ну как так можно изменить свое имя, если меня родители так нарекли? Получается, что я от их памяти отказываюсь? Не простят... Это не по мне. С этим именем родился, с ним и помирать буду! Да и имя само по себе неплохое. При чем здесь оно? До войны было очень популярным даже среди русского населения. Имя Адольф германского происхождения, состоит из двух древненемецких слов «адаль», что значит благородный, и «вольф» – переводится как волк. И означает – «благородный волк». Теперь из-за Гитлера это имя испорчено навсегда.

– Вы все время в этой квартире проживали?

– Нет. Сначала на Подлужной жил вместе с родителями и тремя сестрами, совсем рядом с Казанкой. Потом вот квартиру мне выделили. А на Подлужной целая колония немцев и сейчас проживает. Как переехали туда из немецких княжеств при Екатерине Великой, так и остались там!

Темирзяев захлопнул блокнот и положил его в полевую сумку.

– Записал все, что нужно. Если потребуется, я вас вызову.

– Если окажусь полезным, буду очень рад.

Следующей, кого следовало допросить, была Гульнура Имамова, проживавшая на улице Тельмана.

Майор быстро спустился по каменной лестнице. В лицо ударила россыпь колючего снега. Водитель курил, выду-

вая через приоткрытую форточку струйки дыма. Похоже, что ему совсем не было холодно.

Забравшись в автомобиль, майор Темирзиев проворчал:

– Надымил в салоне.

– Марат Абдуллович, так я же в форточку выдыхаю.

– А сюда заходит... Ладно, не оправдывайся. Поехали на Тельмана.

Через десять минут «Победа» подъехала к трехэтажному деревянному дому, расположенному в начале улицы Тельмана. Около пятисот лет назад по этой улице проходила стена столицы Казанского ханства. Позже, когда Казань стала застраиваться по определенному плану, улица получила название Попова Гора, потому что на ней проживали священники и дьяконы Богородицкого монастыря, что был поставлен неподалеку. После революции улица носила имя русского революционера, государственного деятеля и первого народного комиссара внутренних дел РСФСР Алексея Рыкова. А в конце тридцатых годов прошлого века, когда комиссар впал в немилость, улицу переименовали в честь председателя ЦК Коммунистической партии Германии, депутата рейхстага Эрнста Тельмана.

Улица Тельмана была богатой, со старинными особняками и теремами, с резными нарядными наличниками. Среди них преобладали дворянские и купеческие дома, построенные в стилях классицизм, модерн и ампи́р, непременно с антресолями и мезонинами, каждый дом имел парадное

крыльцо.

До революции на улице Тельмана в основном проживала профессура Казанского императорского университета и зажиточные купцы. После революции, когда ученые с негоциантами разъехались по заграницам, а с деревень в город хлынули крестьяне, чтобы влиться в ряды рабочего класса, пустующие квартиры стали заселять, а потом еще и уплотнять. И там, где раньше проживала одна купеческая семья, теперь размещалось десять.

Именно в таком двухэтажном особняке, занимая комнатку в конце длинного коридора, проживала Гульнура Имамова с малолетней дочерью. Потянув на себя входную парадную дверь, усиленную упругой пружиной, Темирзиев вошел в дом, где под потолком в самом верху лестницы тускло светила лампа, бросая нечеткую расплывчатую тень на дощатые стены.

Коридор был не заперт. Марат Абдуллович прошел до конца – мимо велосипеда, подвешенного на стене, двух коричневых потертых чемоданов, кованого сундука, сложенных друг на друга многочисленных коробок; случайно зацепил ногой швабру, рухнувшую на пол с грохотом; обошел громоздкий шкаф, выпиравший на середину коридора; скользнул взглядом по полкам книг, где, запечатанные в коричневые переплеты, стояли труды классиков, и постучался в последнюю дверь.

На его стук вышла Гульнура Имамова, в простом ситце-

вом халатике, за ее спиной, держась за подол, стояла кареглазая трехлетняя девочка и с любопытством смотрела на вошедшего.

– Здравствуйте, – произнес Темирзяев как можно мягче.

– Ой, это вы? Здравствуйте, – ответила молодая женщина, обеспокоенно захлопав глазами. – Вы ко мне?

– К вам.

– Это папа? – заинтересованно осведомилась девочка.

– Нет, Рушана, это не папа, – терпеливо ответила Имамова. – Вы не обращайтесь на нее внимания, – взглянула на смутившегося майора хозяйка. – Дочка всем мужчинам так говорит. Своего папу она никогда видела. Ильдар пришел в сорок четвертом с фронта в отпуск, пробыл здесь неделю и опять ушел. В сорок пятом погиб в Австрии, в апреле похоронку на него получила... Его вот нет, а дочка на него похожа. Спасибо ему за это, хоть какая-то память, а так ничего бы от него не осталось. – За спокойными, почти равнодушными словами пряталось хорошо скрываемое и не до конца выплаканное горе. Сколько же сейчас таких женщин... И не сосчитать! – А вы проходите, чего же у порога выстаивать.

Поблагодарив, Марат Абдуллович прошел в комнату. Половицы под его осторожным шагом слегка заскрипели. В комнате было натоплено, слегка пахло смолой. В самом углу комнаты стояла каменная печь и прожорливо потрескивала полыхающими дровишками.

– У меня к вам пара вопросов. – Майор присел на стул,

стоявший у круглого стола. – Где вы были четырнадцатого февраля с половины девятого до половины десятого?

Женщина без особой нужды стала поправлять на затылке волосы, уложенные в плотный клубок. Чего же она так напугалась?

– В это время я как раз к сестре направлялась.

– А вы никого из знакомых не видели?

Небольшая заминка, после которой она уверенно ответила:

– Я видела Адольфа Карловича Рауде, мы даже с ним немного прошли до остановки на улице Кирова. Потом он сел на свой трамвай, а я уже направилась к сестре.

Определенно Имамову и бухгалтера Рауде связывает что-то личное. Но это уже их дело. Главное, что бухгалтер не мог в девять часов вечера находиться в конторе промыслового кооператива «Путь Октября». Он действительно по выходе из конторы дошел до трамвайной остановки на улице Кирова, дождался первого номера трамвая, сел в первый вагон и поехал домой.

– Если я уж здесь, у меня еще к вам один вопрос будет. А как Волосюк относился к убитой Поздняковой?

Женщина повела неопределенно плечами и ответила:

– Хорошо к ней относился. Я бы даже сказала, что лучше, чем к другим. Например, к Новому году он подарил Моте позолоченные сережки «Калачи». Помнится, девочка очень обрадовалась этому подарку. Всем показывала... Мне тоже.

Записав показания Имамовой в блокнот, Марат Темирзяев ушел.

* * *

Едва Темирзяев вернулся в отдел, как в кабинет постучали.

– Входите.

Вошел дежурный и бойко доложил:

– Товарищ майор, с вами хочет встретиться одна женщина. Говорит, что видела Николая Волосюка вечером четырнадцатого февраля. Ее показания расходятся с тем, что Волосюк рассказывал о себе ранее.

– Пусть заходит, – разрешил Марат Абдуллович.

Через минуту порог кабинета перешагнула немолодая женщина с обильной сединой в черных густых волосах.

– Я о Волосюке вам хотела рассказать.

– Присаживайтесь, – указал майор на один из свободных стульев, стоявших подле стола. Когда женщина опустилась, аккуратно подобрав под стул ноги, Темирзяев произнес: – Как вас зовут? Представьтесь, пожалуйста.

– Я Марфа Лукоянова, два месяца работала у Николая Григорьевича Волосюка уборщицей. Две недели назад уволилась.

– А почему уволились?

– Помещение в кооперативе больно большое, а я его од-

на убирала. Никаких помощников у меня не было. Хотя бы обувь вытирали! Все в грязных сапожищах ходят, грязь разнесут по всему дому, а мне убирать как проклятой. Вот я и уволилась. Я сейчас в ателье по пошиву одежды работаю. Чистота кругом, грязи совсем нет, а платят куда больше!

– Понятно. Рассказывайте, что хотели нам сообщить.

– Ателье, где я сейчас работаю, недалеко отсюда... Так вот, когда я домой с работы возвращалась по улице Ухтомского и проходила мимо бывшего дома купцов Тихомировых в половине девятого вечера... ну или около того, то видела, как Николай Григорьевич направился к входной двери в свою квартиру. А потом вдруг остановился, развернулся и пошел в обратную сторону. Поднялся по ступенькам на второй этаж и постучался в двери конторы. «Открывай, – говорит, – это я».

– А что же ему ответили?

– Не могла я слышать, – обескураженно произнесла женщина, – далеко от меня было.

– А дверь Волосюку открыли? Вы видели?

– Этого я не видела, врать не хочу, потому что дальше уже пошла. Домой торопилась, – пояснила она. – Пошто мне разглядывать, вошел кто или не вошел? Некогда мне было... Если бы знала, чем дело обернется, так непременно подождала бы да посмотрела. Вот это я хотела сказать.

Отпустив свидетельницу, майор Темирзиев призадумал-

ся.

Конечно, Матрена не могла не открыть дверь Николаю Григорьевичу. Одно дело бухгалтер или торговый агент, которым можно дать от ворот поворот. Рабочее время закончилось? Закончилось. Так вот: будьте добры, ступайте домой и в неурочное время не беспокойте... И совсем другое – сам председатель промыслового кооператива Волосюк. Это уже было бы нарушением трудовой дисциплины. А вот вошел или не вошел Волосюк в помещение, Марфа Лукоянова уже не видела. Надо полагать, что Волосюк все-таки вошел. Иначе зачем стучаться и требовать открыть дверь? С ним следует поговорить более обстоятельно.

Уже на следующий день Темирзяев вызвал его в свой кабинет на допрос.

– У меня к вам вот такой вопрос, – начал Марат Абдуллоевич, когда Волосюк разместился за столом напротив него. – Свидетель Марфа Лукоянова утверждает, что видела, как вы возвращались в контору артели. И было это как раз приблизительно около половины девятого вечера. Что вы на это можете ответить?

– Даже не знаю, как вам ответить на это заявление Лукояновой. У меня не было никакой надобности возвращаться в контору. Все, что было нужно, разные неотложные вопросы, я уже решил с бухгалтером. Остальные дела могли преспокойно дожидаться следующей недели. И, выйдя с бухгалтером Рауде из конторы, я отправился прямиком домой.

Относительно заявления Лукояновой о том, что она видела, как я вернулся в контору артели, могу сказать... – Николай Григорьевич говорил спокойно, даже где-то безучастно, – что этой Лукояновой померещилось... В феврале и в семь часов уже темно, а в половине девятого – и подавно темень беспросветная. У нас один фонарь на всю улицу. И тот едва светит... Чего она могла видеть-то? Бывает, идешь по улице и ни черта не видишь, куда ступаешь. Если дороги не знать, так все ноги переломать можно да лоб расшибить. Ошиблась она, не иначе. Да и соврет – недорого возьмет. Она ведь за воротник закладывает любит. Именно из-за этого я ее и уволил. Допускаю, что и в субботу перед выходным приняла, вот ей и почудилось невесть что... Мне нечего больше добавить.

– Можете идти, но что-то мне подсказывает, что этот наш разговор с вами не последний.

Через час Марат Абдуллоевич наведалься в квартиру Волосюка, где застал его жену. Увидев в дверях сотрудника милиции, она растянула губы в пресной улыбке и предложила войти.

– Проходите, правда, у нас не прибрано.

Темирзяев неспешно вошел в квартиру, обратив внимание, что особой роскоши не обнаруживается. Хотя, судя по тому, как разворачивались дела в кооперативе, Волосюк мог позволить себе куда больше.

– Может, вы хотите чаю?

– Нет, спасибо, я хотел вам задать несколько вопросов.

Присели за длинный стол, укрытый клеенкой, на котором стоял большой начищенный самовар, явное украшение квартиры.

– Вы можете сказать, в котором часу ваш муж пришел домой четырнадцатого февраля? – поинтересовался Темирзяев.

– Было что-то около девяти... Или начало десятого, – перед тем как ответить, Алевтина Васильевна нахмурила широкие брови, что должно было означать, что она напряженно припоминала события вечера субботы, четырнадцатого февраля. – Мы выпили чаю с сушками и легли спать.

– А ваши слова может кто-нибудь подтвердить? – испытующе посмотрел на Волосюк майор Темирзяев.

– Думаю, что нет, – ответила, поразмыслив, Волосюк. – Никого поблизости не было. Да и гостей никаких в этот день не звали.

– Ясно... А в котором часу вы легли спать? – задал новый вопрос Темирзяев.

– Я не смотрела на часы, – ответила женщина. – Наверное, что-то около десяти.

– Так рано? – изобразил на лице и в голосе удивление Марат Абдуллович.

– Так на улице уж в это время давно темно, настоящая ночь. Что же прикажете делать в такую темень? – в свою очередь удивилась Алевтина Васильевна. – Не по улице же раз-

гуливать?

А и правда, что делать поздним вечером, как не спать?

После допроса супругов Волосюк Марат Темирзяев крепко задумался. Что же получается? Свидетельница Марфа Лукоянова показывает, что видела, как после ухода Волосюка с бухгалтером Рауде из конторы промыслового кооператива «Путь Октября» Николай Григорьевич вернулся обратно, постучался в конторскую дверь, и ему открыли. После чего он с большой вероятностью в помещение конторы вошел. Однако сам Волосюк показания свидетельницы начисто отрицает. И что мы в результате имеем? Слово Марфы Лукояновой против слова Николая Волосюка. Каких-либо иных доказательств, увы, не имеется.

Жена Волосюка утверждает, что муж пришел домой либо без нескольких минут девять, либо несколько минут десятого. Предположим, он пришел без пяти девять. А вышел из конторы, по его собственным заверениям, в половине девятого. Где он был двадцать пять минут? Что делал? Да пусть даже двадцать минут, если дать время на спуск со второго этажа, прохождение пути до входной двери в квартиру и открытие ее ключами.

Пришлось еще раз допросить Николая Волосюка. И одним из двух главных вопросов был следующий: возвращался ли он в контору после того, как вышел из нее вместе с бухгалтером Рауде?

– Я к вам хожу в кабинет как на работу, – прежде чем отве-

тить на заданный вопрос, выразил неудовольствие Николай Григорьевич. – Еще раз говорю: не возвращался, – прозвучал убежденный ответ. – Потому что для этого просто не было причины. И знаете, очень жалею, что не возвращался, тогда, возможно, девочка была бы жива.

– Вы вышли из конторы в половине девятого вечера, а домой пришли около девяти. Если не позже. *Это показала ваша жена*, – выделил интонацией последнюю фразу Темирзяев. – Что вы делали и где вы были как минимум двадцать минут, когда вся дорога, чтобы спуститься со второго этажа на первый, занимает не более двух-трех минут?

– Я стоял на ступенях и думал, – после небольшой паузы прозвучал лаконичный ответ.

– Целых двадцать минут? – не стал скрывать иронии в голосе Темирзяев.

– Ну, может, немного меньше... Вы думаете, я засекал время, сколько буду думать?

– Предположим, пусть будет так. И о чем вы таком размышляли, не припомните? – поинтересовался Марат Абдулович так, для проформы.

– Вы женаты? – неожиданно спросил Волосюк.

– А какое это имеет отношение к делу?

– Прямое.

– Нет, не женат.

– Тогда вы меня не поймете. Я просто стоял и размышлял о разном, – в упор посмотрел на майора Николай Гри-

горьевич. – Но когда я стоял на ступеньках между первым и вторым этажом, меня мог видеть Петр Наумович Герцингер. Он пенсионер, проживает в соседнем доме. Когда я стоял на ступенях, он проходил мимо. Только вот я не уверен, заметил он меня или нет. Хотя в мою сторону все-таки посмотрел.

– Хорошо, мы проверим ваши показания, – заверил Николая Волосюка майор милиции Темирзяев. – А теперь можете идти.

Волосюк вышел из отделения милиции с явным облегчением.

* * *

Петр Наумович Герцингер обитал в соседнем доме, точнее сказать, домике, по самые окна вросшем в землю, над которым торжествующе торчал громоотвод, царапая кривым черным ногтем выцветшее, словно голубой холст, небо. Таких строений в Ямской слободе (да и не только в ней), возведенных еще в достопамятные времена, имелось в Казани во множестве. Вход в дом был со двора, огороженного деревянным, потемневшим от времени и дождей забором. Темирзяев, протопав мимо палисадника до входных дверей, долго стучался в них, однако никто не отзывался. Но внутри дома кто-то определенно находился, поскольку из помещения исходил густой запах жарящейся селедки. Возможно,

что кто другой обозвал бы столь резкий едкий запах невыносимой вонью, но майор, стоявший на страже правопорядка, обязан был свои оценочные суждения держать при себе.

Наконец двери приоткрылись, и в проеме показалась растрепанная седая голова древней старухи.

– Вам кого? – старческим фальцетом полюбопытствовала сморщенная голова и неловко склонилась набок, словно у старушки уже не оставалось сил, чтобы держать ее прямо.

– Герцингеры здесь проживают? – с почтением поинтересовался Марат Абдуллович и доброжелательно улыбнулся, рассчитывая на располагающий разговор. Старые люди невероятно доверчивы и словоохотливы, может, получится что-то узнать применительно к делу.

– А почему у вас картошка? – поправляя на плечах брошенный плед, старушка вскинула на майора мутные глаза. Они были неопределенного оттенка, хотя лет сорок назад вполне могли иметь карий цвет.

Марат Темирзяев понял, что старушка крепко глуха, и уже намного громче, с явным разочарованием, понимая, что ожидаемой беседы не произойдет, повторил свой вопрос:

– Герцингеры здесь проживают?

– Здесь, – подумав, ответила старушка и на этот раз уже внимательно посмотрела на Марата Абдулловича, безошибочно признав в нем человека из органов, и бесхитростно полюбопытствовала: – Вы пришли забирать моего мужа в тюрьму?

– Никто его забирать в тюрьму не собирается. Я пришел задать ему несколько вопросов, – поддерживая манеру разговора старушки, громко ответил майор.

– Сагочка, кто там? – раздался дребезжащий старческий мужской голос из недр вросшего в землю дома.

– Проходите, – пропустила Марата Абдулловича в дом старушка и, повернувшись, громко ответила на голос: – К тебе пришли из органов.

– Ково? – вышел навстречу жене и майору милиции дремучий сухой старикан с редким седым пушком на голове.

– Это к тебе! – приставив ладони рупором к уху Петра Наумовича, прокричала старушка. – Из органов пришли!

– Вижу, что из огганов, – грустно посмотрел на Темирзяева глазами навывкате старик Герцингер. Почему старик определил, что Марат Абдуллович из органов, было непонятно, поскольку майор был в штатской одежде. – Дождался... Что ж, Сага. Собигай мою котомочку. Я готов!

– Не надо котомочку, – проорал настолько громко, насколько это было возможно, Темирзяев. – У меня к вам всего пара вопросов. Я их задам, а потом уйду.

Марату Абдулловичу очень хотелось еще добавить: «Ко всем чертям от этого дома!» Но сумел сдержался.

Старик посмотрел сначала на гостя, потом на жену и, указав сухонькой рукой на древний стул (наверняка ровесник самого хозяина), проговорил, как показалось Темирзяеву, с легким разочарованием:

– Пгисаживайтесь.

– Скажите, Петр Наумович, вы в субботу в районе половины девятого вечера или около того проходили по улице Ухтомского мимо дома, где размещается промысловый кооператив «Путь Октября»? – сев на стул, громко (но не на всю мощь) задал первый вопрос Марат Абдуллович.

Старик перевел беспомощный взор на жену. Он явно не расслышал произнесенных слов майора и просил помощи у супруги, пребывавшей при нем в настоящее время в качестве переводчицы.

– Товарищ из органов спрашивает тебя, проходил ли ты в прошедшую субботу в половине девятого вечера или около того мимо артели Волосюка? – продублировала вопрос майора Темирзяева супруга старика, снова сложив ладони рупором и приставив их к уху мужа.

– А это запгещено?

– Не запрещено, я просто поинтересовался.

– Пгоходил, – уверенно ответил старик Герцингер.

– А вы видели председателя кооператива Волосюка? – задал второй вопрос Марат Абдуллович. – Ну, как он выходил из конторы артели, что на втором этаже, или находился, о чем-то размышляя, на ступенях, ведущих на второй этаж?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.